

ПРОЗА Фазиля Искандера — явление глубоко самобытное. «Созвездие Козлотура» — одна из самых ярких и веселых его книг, трагическая повесть «Ремзик», во многом автобиографическое произведение «День Чика», многочисленные рассказы о собственном детстве, эпос о народной жизни, роман в новеллах «Сандро из Чегема», над которым писатель работает уже с десяток лет... Его произведения не спутаешь, отличить от многих других. Абхазец, пишущий по-русски о родной Абхазии, она — его главный герой. И, раскрывая очередную книгу писателя, мы почти уверены, что окажемся и на сей раз в Сухуми, Чегеме или каком-либо другом уголке абхазской земли. Знаем, что снова встретимся с уже знакомыми персонажами его рассказов и повестей. И все эти разные родственники, дяди, тети, дети, старики, крестьяне — великие труженики и веселые, гордые люди — станут нам интересны. Писатель, от лица которого очень часто идет повествование, говорит с нами предельно искренне. И мы вполне доверяем ему, каждый раз, как дети, веря, что так все и было.

— Фазиль Абдулович, вы вошли в литературу с рассказами о своем детстве и до сих пор продолжаете писать на эту тему...

— Да, с детством у меня действительно особые отношения. Почему? До конца, наверное, это объяснить трудно. Меня всегда привлекала какая-то удивительная поэзия этой поры человеческой жизни. Чистые чувства, высокие мысли, вера в то, что мир разумен, а все помехи можно устранить. Когда-то Марина Цветаева писала: «Мы все в долгу у своего детства»... В самом деле, мало кому из нас удается выполнить то, что было задумано в юном возрасте. Постараемся хотя бы закрепить в творчестве те годы, когда мы так широко мечтали. Примерно такова ее мысль. Может быть, она несколько драматична, но тут есть и здоровое зерно. Детство — это своего рода проба человека на соприкосновение с жизнью, и все радости, все огни его остаются в памяти гораздо острее, чем в зрелые годы.

И потом каждый ребенок немножко философ, ему своя жизнь, в отличие от взрослых, представляется в целом. Это дает возможность делать в этом возрасте удивительные открытия, постигать мудрые вещи...

Один знакомый литератор спросил меня как-то: «О чем же ты будешь писать, когда кончатся детские сюжеты?». Он не понял, что главное — не в количестве детских переживаний и впечатлений, — у любого человека их достаточно не на одну книжку. А в том, что в душе! Есть или нет у писателя поэтическое отношение к этой теме. И пока оно есть, никакие сюжеты не иссякнут. Любый шорох воспоминаний о давних детских ощущениях вызовет целый сюжет для рассказа.

— У каждого человека на огромном пространстве нашей странности своя «малая родина», которая нам роднее, ближе, дороже... Для вас это абхазская земля. Но вот уже около двух десятилетий вы живете в Москве, а ведь существует такое мнение, что человек, покидающий свой родной угол, очень часто теряет себя. И все же с вами этого не произошло?

— Мне кажется, что физическое пребывание в том или ином краю не так важно. Если писатель духовно не покинул родной угол, если в душе у него живет поэтический образ родной земли, то тема эта для него неисчерпаема. Так же и со мной — хотя я и живу многие годы в Москве, родная Абхазия по-прежнему дорога и близка. И постоянное ощущение своего начала дает силу творчеству, питает его.

Но мне думается, что в известной мере больше повезло всякому писателю, у которого часть жизни прошла среди сельских просторов. Земля, небо — человек — как неотъемлемое этой природы... Возникает какое-то таинственное ощущение своих корней, уходящих в тысячелетний опыт народа, сознание своей связи с своими предшественниками на земле. Это дает неизмеримо

тебя, у Пушкина его не было — народ-то еще неграмотен был. А хороший читатель — тонкий, образованный — не прощал фальши. И писатель ориентировался на него. Конечно, и такие литераторы, как Булгаков, были, но сильного влияния они не имели. Наверное, вот такая мощная одухотворенность традиций помогает и сегодня держать уровень литературы.

— Герои ваших произведений, Фазиль Абдулович, — абхазцы. Крестьяне, старики, дети... Какие черты национального абхазского характера вам особенно дороги?

— Вообще говорить о качествах национального характера всегда сложно, потому что

в некоторых случаях говорят с уважением: «Как держался! Сам стоял как мертвый, но слезинки не проронил».

Невестка, к примеру, кроме функциональных, хозяйственных обращений, не имеет права говорить в присутствии свекрови и свекра. Казалось бы, гнет?! А на самом деле это — благо, дающее возможность легко ужиться в одном доме двум поколениям. Разумеется, на практике молодая говорит достаточно свободно, но каждый раз это исключение из правил. И она это чувствует.

А какой у абхазцев церемониал застолья! Как сказать, как сесть, встать, пропустить,

что его порок лишь слой души. И я пытаюсь понять, откуда эти отвратительные недостатки в людях...

— ...которых, к сожалению, не становится меньше?

— Видите ли, раньше у нас была слишком иллюзорная мысль, будто человеческие пороки в основном связаны с социальным устройством общества. И что они рано или поздно отомрут, если жизнь будет улучшаться. На самом деле драма гораздо глубже. Конечно, общество может усиливать и провоцировать зло, но думать, что честолюбие, тщеславие, желание жить лучше других — в общем, тысячи страстей, которыми всегда жили люди, — результат неправильного социального устройства, — думать так по меньшей мере наивно. Это заблуждение!

В больших глубинах человеческой души находится и доброе и злое. А так как сознание большинства людей, так сказать, «плавающее», то общество своим здоровым влиянием, например, культом высокой духовности, истинного правдолюбия воспитывает человека. Именно поэтому воспитание имеет у нас огромное значение. Надо научить человека жить.

— Говорят, что искусство жить — самое сложное искусство?

— Конечно, это так. Но сложность может быть высокой сложностью и дурной. Если человек выбрал себе нравственный жизненный ориентир, правильную цель — не имею в виду профессию, достижения разного рода, — а такой, я бы сказал, нравственный маяк, то это и будет высокое искусство жизни. Издаться сложность в том, что из этого вытекает целый комплекс: хорошо знать свое дело, честно трудиться, никому не подыгрывать, быть искренним, любить близких и так далее. Тысячи хороших сложностей! Потому что такова задача — прожить честно!

А бывает иначе. Человек хочет прожить хорошо — как можно богаче, удобнее, как можно больше урвать для себя. И у него возникают свои сложности — извиваться, обманывать, кому-то льстить... Иногда такой человек чисто внешне достигает многого. Но я не думаю, что он так уж бездумно счастлив. Кто-то посмотрел на него косо — значит, попался, комбинация грозит рухнуть. Масса тревог! И потом у него дурная бесконечность игры — чем больше отхватил, тем больше хочется.

Так что искусство жить, безусловно, сложное искусство, где каждый выбирает сам. В одном случае сложности оправданы красотой цели и дают духовные силы, в другом — выворачивание, сложности «выживания» приводят к деградации человеческой личности, к бесконечным компромиссам, к потере самого себя.

— Ваш полувековой возраст, Фазиль Абдулович, наверное, располагает к осмыслению, анализу сделанного. Что думается по этому поводу?

— Знаете, особых существенных претензий к жизни у меня нет. Мне кажется, что правильно выбранный пафос работы приносит свои результаты. Ну а главную ставку я всегда делал на честный труд, это позволяет не мельтешить, не завидовать, не суетиться, сверять его с истиной, а не соревноваться, не сравнивать с тем, что написал другой, сколько книг издал. Я не гнался за сиюминутным успехом, после которого за спиной ничего не остается, все сгорает на потребу дня. Всегда верил, что каждый писатель должен иметь собственную скорость и чувство собственной судьбы.

Беседу вела
Н. НЕКРАСОВА

...И ЧУВСТВО СОБСТВЕННОЙ СУДЬБЫ

ВОСКРЕСНЫЙ
ГОСТЬ
«СМЕНИ» —
ПИСАТЕЛЬ

Фазиль
ИСКАНДЕР

много. Это, кстати, определило и обусловило такой огромный интерес к сегодняшним писателям — «деревенщикам». Интересуясь нравственными истоками жизни россиянина, пытаюсь разобраться в хозяйственных, экономических проблемах деревни (и, значит, страны), они хотят уловить в народной жизни то ценное, что выработано людьми веками, и, преобразив и закрепив это в своем творчестве, с новой силой вернуть народу. Именно поэтому эта литература пользуется такой любовью...

— А какая литература, какие книги повлияли на вашу собственную судьбу?

— Читал, конечно, как и все в детстве, много. И все же три самых сильных впечатления помню особенно. Первое связано со стихами Пушкина, с горестной историей вешего Олега. Вообще стихами, как и все в этом возрасте, я не очень-то увлекся. А тут, знаете, прочитал и такую вдруг почувствовал необыкновенную силу и красоту этой поэзии, даже заплакал.

Огромное впечатление на меня произвел и гоголевский «Тарас Бульба», его героический, эпический мотив. Ну а потом уже, лет в 13, в деревне во время войны попала в руки «Анна Каренина». Долго, помню, ходил абсолютно потрясенный, даже сочинил какую-то траурную мелодию и мычал ее несколько дней.

Может быть, поэтому особенное влияние на меня оказала русская литература с ее гуманистическими и демократическими идеями. Конечно, вся мировая литература в той или иной степени пронизана ими, но в русской словесности, в силу особенности России, они звучали наиболее остро. Это признано всем миром.

И потом какая у наших классиков чистота тона, высокая духовность и актуальность проблем! И никакого занесения перед читателем, удовлетворения низменных вкусов на потребу дня... Ведь в России не было «среднего» чита-

он, как море, содержит все — и чудище, и золотых рыбок. Но, конечно, писатель всегда выбирает и ориентируется на какие-то духовные, нравственные реалии, которые он находит в жизни.

Мне хотелось бы показать чувство цельности, свойственное абхазскому народу, и заразить этим чувством русского читателя. Ведь сознание современного человека отличается большой «разорванностью», что, безусловно, является следствием цивилизации, которая, с одной стороны, несет людям определенные блага, а с другой, «разъедает» их. Духовный разрыв отрицательно влияет на человека и на общество в целом. Тут целый клубок противоречий! Вот я и пытаюсь через многие образы показать цельных людей, их внутренний мир, их красоту. Такой человек не склонен ни к какому двоемыслию, двоядушию, для него невозможна жизнь, противоречащая его взглядам. Мне кажется, это главное.

Ну а если называть какие-то конкретные черты характера абхазских людей, в достаточной степени еще патриархальных, то, в первую очередь, пожалуй, надо сказать об их сдержанности, доходящей до культа в проявлении чувств. Им не свойственно такое вот, образно выражаясь, раздиране рубахи до лупа, истерика, всякая крикливость. Все это считается стыдным. Вообще у народа есть множество табу, уходящих в глубину веков, которые внешне подчас выглядят даже жестоко. Например, отец не должен плакать у гроба сына. Родственники и соседи, возвращаясь с похорон, в та-

куда какого-то гостя посадить, даже как руки вымыть — целая церемония. В общем, масса таких тонкостей, которые неуклонно соблюдаются. Все это дает возможность проводить большие народные собрания — свадьбы, сороковины, и — никаких ссор, непорядка, все проходит чинно, каждый знает свое место. Чувство возрастного иерархии, понимание того, что тот, кто больше жил, больше знает, исключает всякое хамство. Это в какой-то степени создает культ людей старшего поколения, и они, чувствуя на себе такую ответственность, стремятся быть объективными, бескорыстными.

Все это я в меру своих сил пытаюсь описывать и очень бы хотел, чтобы это помогло в определенной степени усложнить, да-да, именно усложнить, на мой взгляд, несколько упрощенный строй нашей жизни, излишне упрощенные отношения между людьми, которые дают подчас дурной эффект. Конечно, речь идет не о социальном неравенстве, а о тех перегородках, которые мы должны создавать в отношениях друг с другом.

— Герои ваших произведений наделены не только, так сказать, положительными чертами характера, но вы метко высмеиваете и такие их противные качества, как приспособленность, демагогия, пошлость, халужничество... И все же обращаете внимание, что привычной сатирической злобы нет, вроде бы даже жалеваете их... Почему?

— По-видимому, это идет от того, что люди, которых я описываю, внутренне все-таки не замкнуты на своем пороке. Он скорее всего следствие их заблуждения. А потом я, наверное, так устроен, что не могу ограничиваться чистой сатирой. Человек в моем представлении богат, и всегда хо-